

Е.В. Семенов*

УСПЕШНЫЙ ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ. РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: ВЫБОРНОВА В.А., ФЕДОРУК М.П. НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ. ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (1959–1968) / В.А. ВЫБОРНОВА, М.П. ФЕДОРУК; НОВОСИБ. ГОС. УН-Т. НОВОСИБИРСК: ИПЦ НГУ, 2024. 294 С.

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-19
УДК 378.4(571.14)

Выходные данные для цитирования:

Семенов Е.В. Успешный опыт интеграции науки и образования. Рецензия на монографию: Выборнова В.А., Федорук М.П. Новосибирский государственный университет. Первое десятилетие (1959–1968) / В.А. Выборнова, М.П. Федорук; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2024. 294 с. // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 291–301. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-19.pdf>

E.V. Semenov*

SUCCESSFUL EXPERIENCE INTEGRATING SCIENCE AND EDUCATION. MONOGRAPH REVIEW: VYBORNOVA V.A., FEDORUK M.P. NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY. FIRST DECADE (1959–1968) / V.A. VYBORNOVA, M.P. FEDORUK; NOVOSIB. STATE. UN-T. NOVOSIBIRSK: IPTS NGU, 2024. 294 P.

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-19

How to cite:

Semenov E.V. Successful Experience Integrating Science and Education. Monograph Review: Vybornova V.A., Fedoruk M.P. Novosibirsk State University. First Decade (1959–1968) / V.A. Vybornova, M.P. Fedoruk; Novosib. state. un-t. Novosibirsk: IPTs NGU, 2024. 294 p. // Historical Courier, 2025, No. 1 (39), pp. 291–301. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-19.pdf>]

Abstract. The publication of a scientific monograph on the creation and the first decade of the NSU is a notable event in the study of the historical experience of the organization of science and education in the Soviet Union. The domestic experience of large scientific and technological projects, primarily Nuclear and Space, as well as the program for creating a network of science cities and the experience of successful integration scientific and educational projects of MIPT and NSU, have not been studied and understood enough. The book by V.A. Vybornova and M.P. Fedoruk partially fills the gap in the study of the practice of integrating science and education. The study is devoted to the formation (1959–1968) of Novosibirsk State University (NSU), which was created according to the model of the Moscow Institute of Physics and Technology (MIPT), the essence of which is the deep integration of science and education. Such an extremely rare experience for the USSR in creating initially integrated systems, including advanced science and the most modern university education at that time, was not scaled in a timely manner, but it did not lose its significance even after five or six decades.

Keywords: Research University, integration of Science and Education, MIPT, NSU.

The article has been received by the editor on 11.11.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Евгений Васильевич Семенов**, доктор философских наук, профессор, Институт социологии – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: Eugen.semenov@inbox.ru
Evgeny Vasilyevich Semenov, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology, a Separate Division of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: Eugen.semenov@inbox.ru

Аннотация. Публикация научной монографии о создании и первом десятилетии деятельности НГУ – заметное событие в изучении исторического опыта организации науки и образования в Советском Союзе. Отечественный опыт крупных научно-технологических проектов, прежде всего атомного и космического, а также программа создания сети наукоградов и опыт успешных интеграционных научно-образовательных проектов МФТИ и НГУ изучены и осмыслены недостаточно. Книга В.А. Выборновой и М.П. Федорука отчасти восполняет пробел в изучении практики интеграции науки и образования. Исследование посвящено становлению (1959–1968 гг.) Новосибирского государственного университета (НГУ), создававшегося по модели Московского физико-технического института (МФТИ), сутью которой является глубокая интеграция науки и образования. Такой крайне редкий для СССР опыт создания исходно интегрированных систем, включающих передовую науку и самое современное на тот момент университетское образование, не был своевременно масштабирован, но не утратил значения даже через пять-шесть десятилетий.

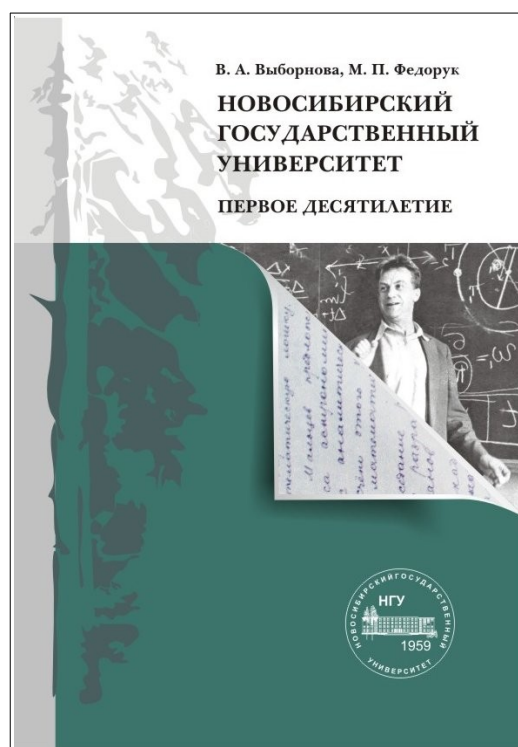
Ключевые слова: исследовательский университет, интеграция науки и образования, МФТИ, НГУ.

Статья поступила в редакцию 11.11.2024 г.

Книга делится на две примерно равные части – собственно научный текст и разнообразные информационно-документальные материалы и приложения, дополняющие научную монографию.

Монография включает четыре главы, введение, заключение и справочный аппарат. В первой главе на большом документальном материале описано формирование оригинальной концепции и модели университета, основанного на органичной интеграции научно-исследовательского и образовательного процессов, а также драматичная история создания университета в 1957–1959 гг. Во второй и третьей главах характеризуется суть новой модели университета – необычный для отечественных вузов 1960-х гг. состав профессорско-преподавательского корпуса и новаторская организация научно-образовательного процесса. В четвертой главе освещается социокультурная среда университета, что важно, поскольку НГУ создавался не только как «кузница кадров», но и как центр разнообразной духовной, интеллектуальной, общественно-политической, спортивной жизни академического городка.

Во введении, помимо общей характеристики НГУ как «научно-образовательной структуры нового типа», являющейся «органической частью научного центра», характеризуется степень научной изученности, грани и этапы, подходы и инструментарий исследования истории университета. Обращает на себя внимание роль известных российских историков – выпускников исторического отделения гуманитарного факультета НГУ, прежде всего С.А. Красильникова, И.С. Кузнецова, Н.А. Куперштох, Е.Т. Артемова, Е.Г. Водичева и др., посвятивших десятки публикаций исследованию истории и роли НГУ в жизнедеятельности Новосибирского академического научного центра.

1.

Первая глава содержит подробный увлекательный рассказ о дискуссиях и преодолении бюрократических препятствий при создании необычного университета, являющегося, по замыслу отцов-основателей М.А. Лаврентьева, С.А. Христиановича и др., частью «комплексного проекта нового научного центра с целью решения кадровых вопросов» (с. 16). При этом опирались на уже имеющийся опыт работы МФТИ, модель которого («система МФТИ») представляла собой «симбиоз науки и образования». Председателю СО АН СССР М.А. Лаврентьеву и ректору НГУ И.Н. Векуа долгое время пришлось бороться за «преференции» – более ранний, чем в других вузах, прием вступительных экзаменов для абитуриентов, возможность перевода талантливых студентов из других вузов и широкое привлечение ученых к преподаванию на правах совместительства и почасовой оплаты (с. 23). На наш взгляд, из перечисленных авторами преференций существенной для модели НГУ является только одна – преподавание активных академических исследователей. Ранний прием – полезная привилегия, но не существенная характеристика модели. Право перевода талантливых студентов полезно, но реально не играло большой роли, в отличие, например, от возможности раннего отбора талантливых школьников для ФМШ.

Авторы показывают, как «оттепель» второй половины 1950-х гг. сделала возможными некоторую автономность и самоорганизацию университетов, в частности расширение конкурсных процедур и увеличение роли ученых советов в научных и образовательных организациях. В этих условиях удалось сформировать новые принципы и модель университета. Ученый совет НГУ получил право корректировать стратегию развития университета, создавать новые кафедры и развивать сеть советов факультетов (с. 31–32). Модель МФТИ и НГУ – это фактически модель полноценного исследовательского университета. Но при всем сходстве эти вузы отличались друг от друга рядом существенных особенностей в подготовке кадров. МФТИ был создан как монопрофильный и практико-ориентированный институт. НГУ же создан как многопрофильный университет, готовящий кадры именно для науки и погруженный в структуру научного центра. По словам авторов монографии, НГУ – «первая модель образовательно-научного центра внутри АН СССР» (с. 37). Этим объясняется многолетняя борьба СО АН СССР за перевод НГУ из ведения Минвуза в ведение Сибирского отделения (с. 37). Авторы характеризуют МФТИ как технологический исследовательский университет, а НГУ – как классический исследовательский университет (с. 43).

Такая модель университета предполагала принципиальные отличия в составе профессорско-преподавательского корпуса и организации образовательного процесса как «образовательно-научного». Вторая и третья главы книги посвящены этим вопросам.

2.

Характеристика профессорско-преподавательского состава НГУ делится в монографии на две темы – создатели НГУ и молодые преподаватели. Поразительно информативен и поучителен параграф об «инициативной группе» – «сообществе ученых-пассионариев, уехавших в Сибирь создавать первый “город науки”» (с. 44). На основе документов, прежде всего личных дел 176 ученых (табл. 1), характеризующих биографии и роль в создании НГУ, многосторонне освещается состав сообщества творцов нового университета. Авторы характеризуют это сообщество по трем поколениям – старшего (родившиеся до 1917 г.), среднего и младшего возраста. Именно этому сообществу Университет обязан своей «сеткой факультетов и кафедр», ориентацией учебного плана на подготовку научных исследователей, научных школ с акцентом на междисциплинарность (с. 44).

В соответствии с моделью исследовательского университета («система Физтех») руководство СО АН СССР и НГУ упорно отстаивало, вопреки существующим бюрократическим правилам, преобладающую роль ученых (совместителей и почасовиков) над штатными преподавателями. В лидерской группе из 176 акторов только 25 были штатными преподавателями. В целом же доля штатных сотрудников в числе преподавателей устойчиво составляла примерно треть. Треть составляли совместители, треть – почасовики (с. 46–47).

В монографии приводится интереснейший материал о возрастном составе сообщества 176 акторов, их социальном происхождении и национальности, образовании и т.д. Возрастная структура создателей Университета не была геронтократической – большинство акторов на момент начала своей работы в НГУ были в возрасте 40–50 лет. По социальному происхождению три возрастные группы заметно различаются. Особенностью сообщества основателей Университета, особенно характерной для старшей возрастной группы, является значительное число ученых дворянского происхождения (8 ученых из 176 человек). Причем это относится к С.А. Христиановичу («отцу» Московского Физтеха) и М.А. Лаврентьеву (одному из его создателей), осуществивших «перенос» модели МФТИ на НГУ. Национальный состав сообщества 176 создателей НГУ очень разнообразный – 11 национальностей, включая русских (64 %), евреев (19 %), украинцев (6 %), армян, белорусов, греков, поляков, казахов, караимов, татар, чувашей. Образование создатели НГУ получили в основном в московских и ленинградских вузах, прежде всего в МГУ и ЛГУ (с. 47–49). Жизнь и деятельность многих из них связана с МФТИ и Атомным проектом.

В книге приводится много интересного сопутствующего исторического материала. В частности, рассказывается об отмене после революции 1917 г. и последующем восстановлении системы ученых степеней и званий (с. 50–51). Ученые степени и звания были отменены в 1918 г., а в 1919 г. в соответствии с декретом Совнаркома научные работники были разделены на пять категорий по их «ценности для советской власти на данный момент» и, как следствие, им был определен размер пайка и денежного довольствия. В 1928 г. пять «цифровых категорий» были заменены на три «буквенные (А, Б, В). В 1934 г. в упрощенном виде была возвращена старая «имперская» система ученых званий (профессор, доцент) и ученых степеней – первоначально часто без защиты на основе научных публикаций.

В монографии отмечается «технократический крен» НГУ, который авторы видят в заметном преобладании математики и физики. Математика преподавалась всем студентам Университета, кроме историков и филологов, физика – всем естественнонаучным специальностям. Особую роль в такой ориентации Университета авторы связывают с именами М.А. Лаврентьева (председателя СО АН СССР) и И.Н. Векуа (первого ректора НГУ), имевших опыт работы заведующими кафедрами в МФТИ (с. 52–55). Пожалуй, этот «крен» НГУ правильнее было бы назвать физико-математическим, а не технократическим, так как НГУ готовил кадры для науки, т.е. исследователей, а не конструкторов и инженеров, был ориентирован на фундаментальную, а не на прикладную науку и разработки. Роль НГУ для Сибирского отделения и их органическую связь видно из формулы М.А. Лаврентьева: «Нет ученого без учеников».

Перенос «системы Физтеха» на НГУ осуществлялся, как показывают авторы, прежде всего за счет кадровой политики – приглашения основателей, преподавателей, выпускников МФТИ. Но «С.А. Христианович, М.А. Лаврентьев, как одни из акторов “Физтеха”, не могли удовлетвориться механическим переносом в Новосибирск уже реализованного опыта, а развили его в новую научно-образовательную программу, создав оригинальную модель исследовательского университета» (с. 56).

Анализ сообщества основателей НГУ дополнен яркой характеристикой молодых преподавателей. Для НГУ первого десятилетия характерен очень молодой кадровый состав ППС – к 1962 г. средний возраст преподавателей составлял 32–33 года. Крупные ученые переезжали в строящийся новосибирский Академгородок часто со своими учениками, которые включались не только в исследования, но и в преподавание. Состав преподавателей постоянно пополнялся «преимущественно за счет молодежи». Совмещение «научного и педагогического труда» было нормой для НГУ (с. 57). Корпус молодых преподавателей исследуется в монографии с привлечением социологических методик В.Э. Шляпентоха и В.А. Ядова (с. 58–61), в соответствии с которыми была выделена референтная группа в составе 167 человек. Яркая характеристика этой группы (с. 61–70) позволяет лучше понять дух новосибирского Академгородка и НГУ как его важной части. Авторы монографии показывают связь развитие НИИ и НГУ в Академгородке. Институты СО АН развивались

«стремительнее и обширнее», чем шло развитие НГУ. Развитие НГУ было «калькой происходящих в СО АН процессов». Вслед за появлением и развитием НИИ в НГУ открывались соответствующие их профилю специальности (с. 71).

3.

Третья глава монографии называется «Образовательно-научный процесс». Именно в ней дается наиболее детальное описание модели НГУ как классического университета, созданного в форме исследовательского университета, дается емкое описание и того, как организован образовательный процесс в таком вузе, и того, как студенты через этот образовательный процесс включались в научные исследования и получали свою будущую профессию. «После открытия университета в 1959 г. силы его организаторов направились на установление целенаправленного планомерного развития образовательного процесса и роста объемов выпуска специалистов. Спустя три года, в 1962 г., обрисовалась базовая сетка факультетов и специальностей, определены основные научные направления. Обретение стабильности произошло к 1969 г. – преодолев трудности поиска пути и эволюционируя от вуза “системы Физтеха” к классическому университету, НГУ организовал и апробировал жизнеспособность четкой образовательной структуры и оригинальных принципов обучения» (с. 72).

Уже в 1957 г. первоначальный проект НГУ предполагал «развертывание обширной структуры факультетов и специальностей», реально же университет, начавший работать в 1959 г., сначала состоял из одного факультета с четырьмя специальностями. Лишь в 1962/1963 уч. г. университет приобрел разветвленную структуру, включавшую шесть факультетов: естественных наук, механико-математического, физического, гуманитарного, геолого-геофизического и вечернего; 41 кафедру и 10 специальностей: математика, механика, физика, химия, медико-биология, геофизические методы, история, математика в экономических расчетах, русский язык и литература, математическая лингвистика (с. 72–73).

Перенос на НГУ принципов «системы Физтеха» позволил успешно решить многие вопросы. Так, быстро выяснилось, что вечернее обучение несовместимо с этими принципами, и от него отказались (с. 82–83). Успешным оказалось создание Красноярского филиала НГУ, а затем и его преобразование в самостоятельный университет, опирающийся на Институт физики СО АН в Красноярске и работающий на тех же принципах, что и НГУ (с. 83–84). Замечательно вписалась в модель НГУ и созданная при нем физико-математическая школа (ФМШ). «ФМШ органично вписалась в единый комплекс НГУ – СО АН» (с. 84–88).

Но понимаемые как сугубо физико-математическая ориентация принципы Физтеха вступали в противоречие с моделью классического университета. Хотя авторы в начале монографии сказали о том, чтобы отцы-основатели НГУ не переносили на новый университет систему Физтеха «механически», а выработали более широкую новую модель, в третьей главе они убедительно и существенно уточнили этот вывод, показав, как «технократический» подход привел ко многим коллизиям в становлении и развитии НГУ. Наиболее сильно однобокий физико-математический крен сказался на представленности в университете гуманитарных наук и медицины, а также отчасти и экономики. Подробно и честно описаны трудности интеграции гуманитарных наук и отчасти экономики в «технократическую» модель (с. 73–78), в том числе освещена попытка передачи в связи с пражскими событиями 1968 г. гуманитарного факультета НГУ в формировавшийся в это время Красноярский государственный университет (с. 76–77). С узко понимаемым физтеховским подходом связаны и коллизии с биологическим образованием в НГУ, которое первоначально задумывалось и создавалось как медико-биологическое, но, по словам выдающегося генетика Д.К. Беляева, быстро преобразовалось «в биологическое с большим удельным весом математики, физики и химии» (с. 78). Лишь через тридцать с лишним лет – в 1997 г. – на биологическом факультете возродилась медицинская специальность (с. 80).

Издержки слишком буквальной ориентации на технократическую модель университета отягощались во многих случаях, по выражению авторов, «негативным влиянием личного фактора». Негативное отношение основателя СО АН М.А. Лаврентьева к ряду наук, научных направлений и специальностей дополнялось конфликтами с лидерами многих областей исследования, что нередко приводило к их отъезду из Академгородка и ликвидации их кафедр в НГУ. Это относится даже к таким крупным научным фигурам, как С.А. Христианович, Б.О. Солоноуц, Г.Б. Бокий, Ю.И. Работнов и др. (с. 80–82). Одновременно из Академгородка уезжали и десятки других высококлассных ученых. «Проблема потери московского состава преподавателей первого набора затронула все уровни в структуре нового университета» (с. 81). Авторы избегают квалифицировать тип конфликтов лидера и его первоначальной команды, говоря лишь о личном факторе и конфликтных ситуациях. Фактически же, на наш взгляд, речь может идти о постепенном формировании жесткого авторитарного управления в системе феодальной организации науки.

Поразительна по честности анализа приводимая в монографии докладная записка заведующего отделом науки и учебных заведений Новосибирского обкома КПСС М.П. Чемоданова (известного науковеда, доктора философских наук. – Е. С.) в Москву. В записке говорится о высоком проценте отъезда научных кадров из Сибирского отделения: «...Руководители Президиума СО АН СССР высказывают тревогу относительно оттока ученых и вносят в вышестоящие органы различные предложения по преодолению этого нежелательного явления. Факты говорят, что основания для подобного рода тревоги имеются. Всего за 1958–1966 гг. Сибирское отделение покинуло 600 квалифицированных научных сотрудников, в том числе 89 членов Академии и докторов, 511 кандидатов наук. За тот же период защищено 112 докторских диссертаций и 960 кандидатских. Таким образом, по основной группе ученых утечка едва покрывается за счет подготовки новых кадров» (с. 82). Авторы монографии замечают: «Несомненно, общее демографическое состояние научного сообщества в новосибирском Академгородке влияло и на развитие университета» (с. 82).

Несмотря на все сложности и коллизии, НГУ поступательно развивался. К 1968/1969 уч. г. «структура НГУ сложилась как самостоятельная самовоспроизводимая рабочая модель, естественным образом вытеснив нерабочие элементы и развив рабочие. В 1968/1969 уч. г. структура университета состояла из семи факультетов: геолого-геофизический, гуманитарный, естественных наук, механико-математический, физический, экономический, вечерний; 46 кафедр; 11 специальностей: математика, инженерная математика, физика, химия, биология, геофизика, геология и геохимия, экономическая кибернетика, политэкономия, история, языкознание» (с. 88). Авторы подробно, с указанием отводимых часов, характеризуют все основные дисциплины по специальностям (с. 88–90), что может служить хорошей основой для науковедческого анализа состава и взаимосвязи преподаваемых дисциплин и научных направлений. Авторы многократно отмечают высокую насыщенность учебных курсов математикой и междисциплинарный характер университетского образования.

С самого начала в НГУ серьезно занимались постановкой научной работы преподавателей, аспирантов и студентов. Формы этой работы весьма разнообразны (с. 90–94). В 1963 г. был организован «научно-исследовательский сектор» при НГУ. «На каждом факультете имелось одно или два ведущих направления НИР, которые базировались на идентичных учебных специальностях, определяемых НГУ в качестве ведущих. Согласование работы НИР университета и академических институтов осуществлялось в рамках положения “о взаимодействии научно-исследовательской части (НИЧ) и научно-исследовательских институтов СО АН СССР”. Тематические научно-исследовательские лаборатории базировались на площадях академических институтов и входили в состав учебно-научного комплекса “факультет – тематическая лаборатория – базовый институт СО АН СССР”. Научными руководителями данных лабораторий назначались преимущественно заведующие кафедрами, которые одновременно имели управляющие должности в НИИ» (с. 90).

Эта система дополнялась разработкой и чтением «оригинальных» авторских лекторских курсов, которые потом нередко публиковались. «Публиковать свои оригинальные

нальные курсы стало обычной практикой в НГУ». Публиковались курсы не только «уже маститых ученых», но и молодых преподавателей (с. 91–92). «Практика публиковать учебные пособия для студентов появилась в силу необходимости оформлять библиотеку нового вуза, вызванной, с одной стороны, затруднением приобретения книг из других вузов, городов, с другой – стремлением к уникальности НГУ, выстроенного по совершенно новым, ранее не апробированным образовательным схемам, опиравшимся на взаимодействие с СО АН» (с. 92). Еще «одной из эффективных форм организации НИР» и координации научной работы с другими вузами и научными организациями стала разветвленная система разнообразных, в том числе и международных, научных конференций, съездов, симпозиумов и встреч в НГУ (с. 92–94).

Анализ развития «образовательно-научного процесса» в НГУ в первое десятилетие его существования дополнен параграфом «Студенчество на пути в науку», в котором характеризуется развитие организации вступительных экзаменов и в целом практики приема студентов, значение права НГУ, как МГУ и МФТИ, на более раннее проведение вступительных экзаменов и право перевода талантливых студентов из других вузов, роль подготовительных курсов (с. 94–98). Показаны трудности, с которыми столкнулся университет в первые годы, включая проблемы с выплатой стипендии, вызвавшие отток студентов из НГУ в другие вузы, сложности жилищного положения в связи с отсутствием в первое время общежитий (с. 99). Авторы рассказывают также о фактах самодурства преподавателей. Красочно описана история с вольностями заведующего кафедрой иностранных языков, много лет остававшейся вне критики из-за покровительства влиятельного мужа члена-корреспондента АН СССР А.В. Бицадзе, вплоть до его переезда в Москву (с. 101–102). Описаны востребованность и развитие системы распределения выпускников НГУ, создание и работа аспирантуры (с. 103–106).

Честный и глубокий анализ обширного эмпирического материала в третьей главе позволил авторам сделать общие выводы о работе университета «нового типа», сочетающего систему Физтеха с гумбольдтовской моделью классического университета. В НГУ была преодолена «первоначальная технократическая стратегия в построении учебного процесса», а «совокупность мер, направленных на совершенствование главных организационных форм образовательного процесса НГУ, обусловила высокий уровень работы вуза как центра научно-исследовательской работы». Этот процесс потребовал много лет упорной работы. Но и с самого начала, «несмотря на то, что официальное закрепление связи НГУ и СО АН произошло только в 1979 г., совместное использование материально-технической базы, общий человеческий ресурс, единые научные цели объединяли НГУ и СО АН и позволяли органично взаимодействовать как институционально, так и в неофициальном порядке» (с. 106).

4.

Четвертая глава называется «Социокультурная среда». По названию можно было бы ожидать, что речь пойдет о социокультурном контексте, о том, в какой среде создавался и развивался НГУ. В действительности же в этой главе описывается внеучебная студенческая активность и в целом социокультурная жизнь НГУ. Если воспользоваться терминологией теории организации и управления, это внутренняя среда университета. О внешней среде говорится вскользь. Отмечается значение дальнейшей внешней среды – состояние общества в условиях «оттепели» и ближней внешней среды – условиях, окружающих университет. Но главное содержание главы – студенческая активность, как инициативная, так и организованная ректоратом, партийной и комсомольской структурами.

Авторы выделяют пять «основных направлений студенческих инициатив», включая строительные отряды, ежегодные «маевки», стенную печать, карнавал и разнообразные клубы по интересам (с. 107). Но описывается также другая, не менее важная активность молодежи. Говорится о работе Совета молодых ученых, созданного в 1961 г. при Комитете ВЛКСМ НГУ, в том числе об организации работы молодых ученых и студентов по прове-

дению, начиная с 1962 г., Всесибирской физико-математической и химической олимпиад, благодаря которым качественно расширилась география абитуриентов (в 1959 г. новосибирцами были 65 % абитуриентов, в 1964 г. – 32 %) (с. 109). Благодаря олимпиадам при НГУ была создана ФМШ. В первые годы незаменимой была роль студентов в создании условий для учебной работы в университете. Строительство учебного корпуса и общежитий затянулось до 1962 и 1963 гг. соответственно. Занятия проходили в здании школы № 130, где первые студенты сами готовили помещения для лекций, мыли полы, расставляли мебель. При этом отсутствовала теплая вода, не хватало тряпок. И все это отягощалось проблемами с питанием, транспортом, жильем (с. 110). Студенты буквально создавали свой университет. Но там, где их помощь не принималась, дела шли плохо. Это видно на примере работы библиотеки. Отмечается безобразное отношение библиотекарей к литературе. Ряд вузов страны (ЛГУ, МГУ, ИркГУ) присылали в новый университет немало нужных книг, но «в руки студентов и преподавателей они не попали», так как лежали в подвале неразобранными и необработанными, библиотекари отказывались от дубликатов, сдавали в макулатуру ценные серийные издания. Попытки студентов предложить свою помощь отвергались (с. 110–111). При этом труд студентов «использовался на регулярной основе на сборе урожая, на стройках Академгородка и прилежащих районов, для участия в уборке и озеленении на субботниках» (с. 111).

В НГУ была развита художественная самодеятельность, организовывались спортивно-оздоровительные лагеря и дружины по охране общественного порядка, подведомственные комсомольской организации НГУ. Под эгидой комитета ВЛКСМ работал лекторий, велась воспитательная работа в общежитиях и агитационная работа с населением, проводились вечера вопросов и ответов, в студенческих группах распространялась политическая информация. Все это делалось силами студенчества и университетской молодежи (с. 113).

Авторы монографии отмечают характерный для НГУ первого десятилетия дух вольности, творчества и инициативности. «Пионерным творческим начинанием в НГУ стала стенная печать. Одновременно (в 1959 г.) возникли инициативы “снизу”, от студентов, и “сверху”, от ВЛКСМ». По студенческой инициативе создан сатирический еженедельник «Щелчок», по инициативе Комсомола – газета «Университетская жизнь» (УЖ). После закрытия «Щелчка» появилась более оппозиционная и критическая газета «Треугольник». Еще более резкой оказалась газета «Раскрутаза», закрытая после первого же номера. Наряду с общеуниверситетскими создавались газеты факультетов: математического факультета – «Оракул», гуманитарного – «Логос», экономического – «Оптима», физического – «Прометей», естественных наук – «Кентавр» и др., а также газеты, приуроченные к праздникам, самостоятельные разовые начинания студентов и т.д. По замечанию авторов, «стенная печать в 1960-е гг. стала объемным ресурсом творческого самовыражения студентов» (с. 114–117).

В книге подробно рассказывается о создании в 1964 г. и развертывании в последующий период студенческих строительных отрядов (с. 117–119), о проведении в 1960 г. по студенческой инициативе первой маевки и последующем развитии маевочной традиции (с. 119–121), о бесшабашном карнавальном движении (с. 121–122), о театральной самодеятельности, о днях факультетов и межфакультетских КВН (с. 122–123), о студенческих клубах (с. 123–124). Авторы книги обобщают: «В целом студенческая самоидентичность в 1960-х гг. в НГУ складывалась в условиях государственной политики “оттепели”, установки создателей университета на развитие свободного исследовательского мышления и самостоятельности, самоуправления студентов, их разнородного состава». Свою роль играли также компактность проживания, отдаленность от политического центра и изолированность Академгородка, терпимое отношение к вольнодумству или свободомыслию в стенах университета, демократичность в отношениях между преподавателями и студентами. Все это вело к «повышенной гражданской активности» студенческой молодежи (с. 124).

Общий вывод авторов: «Развитие творческих форм студенческой инициативности имело под собой существенную основу в виде оптимистического сознания, романтических и альтруистических настроений, идей интернациональной дружбы и коллективистских

ценностей. Таким образом, механизмы студенческих инициатив либо проявлялись “стихийном” благодаря энтузиазму молодежи, затем осваивались комсомольскими структурами и получали “официальное” право на дальнейшее развитие либо изначально инициировались компартией, привлекавшей широкий круг участников среди студентов-активистов, и в новых условиях обретали более демократичный вид. Для получения “официального” права на дальнейшее развитие студенческих творческих начинаний был необходим переход под управление комсомольскими структурами. Если появившаяся в среде активистов творческая идея обретала популярность среди студенчества, становилась ярким событием и требовала усложнявшейся структуры организации, над ней устанавливался контроль ВЛКСМ, что давало возможность дальнейшего развития уже на институциональной основе» (с. 124–125).

Создатели Академгородка и университета «нового типа» – университета, интегрированного в структуру науки – придавали большое значение разъяснению обществу смысла и важности своего дела. Значение диалога с обществом осознавалось с самого начала. Создание НГУ освещалось в прессе и кинохронике. В 1959 г. в связи с основанием НГУ в газете «Советская Сибирь» опубликована статья С.А. Христиановича «Насущные вопросы в перестройке образования», в газете «Вечерний Новосибирск» – статья И.Н. Векуа «Новосибирский университет», в газете «Комсомольская правда» – статья М.А. Лаврентьева «Доброго пути в науку». В 1960 г. в центральной прессе появились статьи, знакомившие читателей с первым опытом работы нового университета: в «Советской России» – статья И.Н. Векуа «Наука зовет молодые силы», в газете «Правда» – статья М.А. Лаврентьева «Молодым – дорогу в науку». По словам авторов книги, эти публикации ложились в «общую концепцию продвижения «большой науки» на восток страны в целях освоения богатств Сибири. Новационным моментом, который помещался в данный контекст, являлся пионерный опыт встраивания университета в систему академической науки» (с. 125–127).

Сотрудничество руководителей Академгородка и НГУ с прессой, радио и киноиндустрией продолжалось и в последующие годы. Интерес к НГУ в центральной прессе постепенно снизился к 1967 г. Р.И. Солоухин, сменивший И.Н. Векуа в ректорском кресле, большее значение придавал работе с местной прессой. Следующий ректор С.Т. Беляев больше занимался взаимодействием с английскими и французскими киношниками-документалистами (с. 127–137).

В заключении к монографии, помимо обобщенной характеристики содержания всех глав, дается емкий вывод о месте НГУ в советской образовательной традиции. Авторы пишут: «В системе советской высшей школы НГУ занял особый статус благодаря ряду новаций, внедренных в научно-образовательный процесс. Высокий уровень развития науки в стенах университета достигался путем погружения в научную среду через: проведение исследований на базе НИИ с участием студентов, начиная с третьего курса; создания независимых научных лабораторий и секторов (НИР) в университете...; общение с авторитетными учеными старшего поколения, напрямую передававшими как теоретический, так и практический опыт, коллективная работа с участием научной молодежи – ассистентов и лаборантов, выступавших тьюторами для студентов; проведение «взрослых» научных международных симпозиумов» (с. 141).

Отдельных слов заслуживают очень объемные информационные и документальные приложения. Блок приложений состоит из четырех групп материалов. Первая группа представлена двумя таблицами, содержащими информацию о 176 акторах, формировавших университет, и о структуре НГУ (перечень факультетов и кафедр) в 1959, 1963 и 1968 гг. Вторая группа – инфографика (52 рисунка), наглядно отражающая статистическую информацию о характеристиках 176 представителей и в целом всего профессорско-преподавательского корпуса, а также информацию об абитуриентах, студентах, выпускниках, аспирантах НГУ и о динамике упоминаний НГУ в газетах «За науку в Сибири» и «Вечерний Новосибирск». Третья группа – 40 документов, иногда многостраничных. Четвертая группа – фотоматериалы. В целом приложения занимают 142 страницы. Является ли оправданным такое обширное информационно-документальное дополнение монографии? При внима-

тельном ознакомлении с чрезвычайно информативными приложениями, отражающими к тому же дух описываемого времени, который не передашь словами, представляется, что три группы материалов, исключая инфографику, уместны именно как приложения. Инфографика же, вероятно, была бы более уместна непосредственно в тексте исследования, что потребовало бы дополнительно углубленной аналитики, сделав текст книги более цельным. Монография имеет все шансы оказаться востребованной и, возможно, будет переиздаваться. Можно посоветовать авторам рассмотреть идею использования инфографики непосредственно во второй и третьей главах, а также во втором параграфе четвертой главы. Что-то при этом может оказаться избыточным, но чего-то будет недоставать. Так, в инфографике, как и в тексте книги, нет информации о динамике уровня конкурсности (сколько абитуриентов претендовало на одно место в разные годы).

В ряде случаев материалы, содержащиеся в приложениях, оказываются полнее того, что включено в текст. Так, анализ списка 176 акторов показывает, например, что среди создателей университета лиц дворянского происхождения больше, чем перечисленные в книге восемь фамилий. По крайней мере совершенно уверенно можно отнести к этой группе геометра, академика А.Д. Александрова. В других случаях содержащиеся в приложениях статистические данные требуют своего объяснения. Так, в списке городов и регионов, из которых поступали заявления абитуриентов в 1959 г., под № 2 указаны Барнаул и Алтайский край (54 абитуриента), а под № 10 указан Бийск (7 абитуриентов), входящий в Алтайский край. Эти семь абитуриентов не входят в число 54 абитуриентов из Алтайского края? Такие же вопросы есть и к другим регионам. Например, под № 5 указана Казахская ССР (14 абитуриентов), а под № 26 указан Семипалатинск (2 абитуриента), входящий в Казахстан. Анализа и объяснения требует в целом географическая структура абитуриентов. Почему, к примеру, есть заявления из Коми АССР, но нет из соседней Удмуртии и т.п.? Эти рассуждения, однако, не должны ставить под сомнение ценность включенных в приложения материалов.

* * *

Благодаря исследованию В.А. Выборновой и М.П. Федорука в научный оборот введен значительный объем нового очень разнообразного исторического материала, что обеспечивает существенное приращение исторического знания. Системное исследование создания университета, основанного на модели, учитывающей передовую мировую, прежде всего американский опыт (научно-образовательный комплекс, включавший Бостонский университет, Массачусетский технологический институт и сотни инновационных фирм, размещенных на дороге 128, окружавшей весь кластер), и адаптированной к отечественным условиям, позволяет вернуться к сохраняющему практическую значимость эксперименту по глубокой интеграции науки и образования. Это особенно ценно, так как ведомственная обособленность науки и образования сохраняется и в современной России.

Авторы показали, результатом сочетания каких факторов явилось создание научно-образовательного комплекса, объединившего СО АН СССР и НГУ, показали механизм взаимодействия ЦК КПСС, Союзного и Республиканского Министерств высшего и среднего специального образования, а также собственно руководства СО АН СССР и НГУ, который и позволил реализоваться очень сложному научно-образовательному проекту. Авторы обосновали вывод о модели МФТИ и НГУ как исследовательского университета – технологического в первом случае и классического во втором. Показана также роль творчески настроенной группы руководителей университета, факультетов и кафедр в развитии НГУ. Специально отмечена и показана незаменимая роль молодых ученых, одновременно исследователей и преподавателей, в создании и работе университета, а также конструктивная роль студенческих инициатив.

Книга заставляет задуматься о многих вопросах и прежде всего о том, почему такой ценный опыт органичной интеграции исследовательской и образовательной деятельности не был масштабирован. Здесь важна и роль бюрократии, и ведомственное обособление науки

и образования, и то, что команды пассионариев – не норма, а исключение. Но важно еще и то, что сама модель НГУ имеет, на наш взгляд, ограниченные возможности ее масштабирования. Как на НГУ (классический университет) было неестественно механически переносить систему Физтеха из-за ее узкоотраслевой (физико-математической) ориентации, так и модель НГУ – классического по набору преподаваемых дисциплин, но узкоспециализированного, ориентированного именно на подготовку научных кадров университета невозможно буквально переносить на другие университеты, готовящие кадры не для науки, а для других сфер и отраслей производства. НГУ – классический исследовательский, но корпоративный университет. Его модель можно использовать при конструировании моделей университетов, но не буквально, как не буквально можно было использовать систему Физтеха при ее «переносе» на НГУ. Но подобное творчество в условиях бюрократического управления, тщательно охраняемой отраслевыми группами бюрократии ведомственной обособленности своих зон кормления крайне затруднено и может быть преодолено только подвижным движением группы единомышленников при обязательной поддержке центральной власти, что случается редко.

Литература

Выборнова В.А., Федорук М.П. Новосибирский государственный университет. Первое десятилетие (1959–1968). Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2024. 294 с.

Liberation

Vybornova, V.A., Fedoruk, M.P. (2024). *Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet. Pervoe desyatiletie (1959–1968)* [Novosibirsk State University. First Decade (1959–1968)]. Novosibirsk, IPTs NGU. 294 p.